

РАЗГОВОРЫ

О ВАЖНОМ

Методические рекомендации

ДЕНЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

10-11 классы, СПО. Обычаи и традиции моего народа: как прошлое соединяется с настоящим?

---

26 сентября 2022 г.

ВНЕУРОЧНОЕ ЗАНЯТИЕ

для обучающихся 10-11 классов, СПО по теме

«Обычаи и традиции моего народа:

как прошлое соединяется с настоящим?»

Цель занятия: формировать традиционные семейные ценности и уважительное отношение к людям старшего поколения; воспитывать нравственные качества личности (доброту, милосердие, сострадание, благородство, готовность прийти на помощь), способствовать развитию преемственности поколений в семье, осознанию обучающимися достоинств жизненного опыта.

Формирующиеся ценности: развитие, самореализация, историческая память и преемственность поколений (см. Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, п. 25, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=9&rangeSize=1>).

Продолжительность занятия: 30 минут.

Рекомендуемая форма занятия: беседа. Занятие предполагает использование видеоролика, интерактивных заданий, включает в себя анализ информации, групповую работу с текстом.

Комплект материалов:

- сценарий,
- методические рекомендации,
- видеоролик,
- карточки для групповой работы (при подготовке к занятию педагогу необходимо выбрать и распечатать те, которые, по его мнению, будут наиболее интересны и понятны его учащимся),
- комплект интерактивных заданий.

Содержательные блоки занятия

1. Общие рекомендации. Это занятие посвящено людям старшего поколения и их судьбам, неразрывно связанным с судьбой своего народа и своей семьи; людям, которые прошли длинный жизненный путь и подарили

свой опыт, мудрость и стойкость обществу; людям, которые о своем возрасте могут сказать: «Мои года - моё богатство».

При отборе материала учтена возможность использования (включения) регионального компонента: рассказ о традициях празднования Дня пожилых людей в разных регионах нашей страны.

Занятие ориентировано на подростковые классы, поэтому предполагает не только возможность ознакомления учащихся с воспитывающей информацией (посредством видеопрезентации или рассказа педагога), но и организацию интерактивных форм работы с этой информацией.

Педагог напоминает учащимся о героическом прошлом наших ветеранов, нашего старшего поколения, защитивших страну в Великой Отечественной войне. Рассказывает о подвиге отцов, воинов, защищающих, русский мир, русскую культуру от уничтожения.

2. Рекомендации по организации работы в группах. После мотивирующей части, интерактивного задания и видеоролика педагог предлагает учащимся поближе познакомиться с жизнью пожилых людей, вспомнить произведения русской классической литературы, в которых повествуется о них. Для этого в 4 группах организуется работа с карточками, каждая из которых содержит 2 текста для обсуждения. Педагогу необходимо заранее распечатать карточки. Ребятам в каждой группе предлагается прочесть 2 текста и выполнить задание. Отвечать может один представитель группы или вся команда.

Задание для группы 1

Прочитайте фрагменты произведений русской художественной литературы. Опираясь на прочитанные тексты, дайте развернутый ответ на вопрос о том, какова роль любви близких людей и добрых отношений с ними в жизни пожилого человека. Включите в свой ответ цитаты из этих произведений.

1. Рассказ Константина Георгиевича Паустовского «Телеграмма» (1946 год)

Октябрь был на редкость холодный, ненастный. Тесовые крыши почернели.

Спутанная трава в саду полегла, и все доцветал и никак не мог доцвести и осыпаться один только маленький подсолнечник у забора.

Над лугами тащились из-за реки, цеплялись за облетевшие ветлы рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь.

По дорогам уже нельзя было ни пройти, ни проехать, и пастухи перестали гонять в луга стадо.

Пастуший рожок затих до весны. Катерине Петровне стало еще труднее вставать по утрам и видеть все то же: комнаты, где застоялся горький запах нетопленных печей, пыльный «Вестник Европы», пожелтевшие чашки на столе, давно не чищенный самовар и картины на стенах. Может быть, в комнатах было слишком сумрачно, а в глазах Катерины Петровны уже появилась темная вода, или, может быть, картины потускнели от времени, но на них ничего нельзя было разобрать. Катерина Петровна только по памяти знала, что вот эта – портрет ее отца, а вот эта – маленькая, в золотой раме – подарок Крамского, эскиз к его «Неизвестной». Катерина Петровна доживала свой век в старом доме, построенном ее отцом – известным художником.

В старости художник вернулся из Петербурга в свое родное село, жил на покое и занимался садом. Писать он уже не мог: дрожала рука, да и зрение ослабло, часто болели глаза.

Дом был, как говорила Катерина Петровна, «мемориальный». Он находился под охраной областного музея. Но что будет с этим домом, когда умрет она, последняя его обительница, Катерина Петровна не знала. А в селе – называлось оно Заборье – никого не было, с кем бы можно было поговорить о картинах, о петербургской жизни, о том лете, когда Катерина Петровна жила с отцом в Париже и видела похороны Виктора Гюго.

Не расскажешь же об этом Манюшке, дочери соседа, колхозного сапожника, – девчонке, прибегавшей каждый день, чтобы принести воды из колодца, подмести полы, поставить самовар.

Катерина Петровна дарила Манюшке за услуги сморщенные перчатки, страусовые перья, стеклярусную черную шляпу.

– На что это мне? – хрипло спрашивала Манюшка и шмыгала носом. – Тряпичница я, что ли?

– А ты продай, милая, – шептала Катерина Петровна. Вот уже год, как она ослабела и не могла говорить громко. – Ты продай.

– Сдам в утиль, – решала Манюшка, забирала все и уходила.

Изредка заходил сторож при пожарном сарае – Тихон, тощий, рыжий. Он еще помнил, как отец Катерины Петровны приезжал из Петербурга, строил дом, заводил усадьбу.

Тихон был тогда мальчишкой, но почтение к старому художнику сберег на всю жизнь. Глядя на его картины, он громко вздыхал:

– Работа натуральная!

Тихон хлопотал часто без толку, от жалости, но все же помогал по хозяйству: рубил в саду засохшие деревья, пилил их, колол на дрова. И каждый раз, уходя, останавливался в дверях и спрашивал:

– Не слышно, Катерина Петровна, Настя пишет чего или нет?

Катерина Петровна молчала, сидя на диване – сторбленная, маленькая, – и всё перебирала какие-то бумажки в рыжем кожаном ридикюле. Тихон долго сморкался, топтался у порога.

– Ну что ж, – говорил он, не дождавшись ответа. – Я, пожалуй, пойду, Катерина Петровна.

– Иди, Тиша, – шептала Катерина Петровна. – Иди, бог с тобой!

Он выходил, осторожно прикрыв дверь, а Катерина Петровна начинала тихонько плакать. Ветер свистел за окнами в голых ветвях, сбивал последние листья. Керосиновый ночник вздрагивал на столе. Он был, казалось, единственным живым существом в покинутом доме, – без этого слабого огня Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра.

2. Повесть Николая Васильевича Гоголя «Старосветские помещики» (1835 год)

Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет, но душа моя полна еще до сих пор жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразу себе, что приеду со временем опять на их прежнее, ныне опустелое жилище и увижу кучу развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, — и ничего более. Грустно! мне заранее грустно! Но обратимся к рассказу.

Афанасий Иванович Товстогуб и жена его Пульхерия Ивановна Товстогубиха, по выражению окружающих мужиков, были те старики, о которых я начал рассказывать. Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их. Афанасию Ивановичу было шестьдесят лет, Пульхерии Ивановне пятьдесят пять. Афанасий Иванович был высокого роста, ходил всегда в бараньем тулупчике, покрытом камлотом, сидел согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы рассказывал или просто слушал. Пульхерия Ивановна была несколько сурьезна, почти никогда не смеялась; но на лице и в глазах ее было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для ее доброго лица. Легкие морщины на их лицах были расположены с такою приятностию, что художник, верно бы, украл их. По ним можно было, казалось, читать всю жизнь их, ясную, спокойную жизнь, которую вели старые

национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, всегда составляющие противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на **о**, слог **въ**. Нет, они не были похожи на эти презренные и жалкие творения, так же как и все малороссийские старинные и коренные фамилии.

Нельзя было глядеть без участия на их взаимную любовь. Они никогда не говорили друг другу **ты**, но всегда **вы**; вы, Афанасий Иванович; вы, Пульхерия Ивановна. «Это вы продавили стул, Афанасий Иванович?» — «Ничего, не сердитесь, Пульхерия Ивановна: это я». Они никогда не имели детей, и оттого вся привязанность их сосредоточивалась на них же самих. Когда-то, в молодости, Афанасий Иванович служил в компанейцах, был после секунд-майором, но это уже было очень давно, уже прошло, уже сам Афанасий Иванович почти никогда не вспоминал об этом. Афанасий Иванович женился тридцати лет, когда был молодцом и носил шитый камзол; он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него; но и об этом уже он очень мало помнил, по крайней мере, никогда не говорил.

Все эти давние, необыкновенные происшествия заменились спокойною и уединенною жизнью, теми дремлющими и вместе какими-то гармоническими грезами, которые ощущаете вы, сидя на деревянном балконе, обращенном в сад, когда прекрасный дождь роскошно шумит, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тем радуга крадется из-за деревьев и в виде полуразрушенного свода светит матовыми семью цветами на небе. Или когда укачивает вас коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепел гремит и душистая трава вместе с хлебными колосьями и полевыми цветами лезет в дверцы коляски, приятно ударяя вас по рукам и лицу.

Он всегда слушал с приятною улыбкою гостей, приезжавших к нему, иногда и сам говорил, но больше расспрашивал. Он не принадлежал к числу тех стариков, которые надоедают вечными похвалами старому времени или порицаниями нового. Он, напротив, расспрашивая вас, показывал большое любопытство и участие к обстоятельствам вашей собственной жизни, удачам и неудачам, которыми обыкновенно интересуются все добрые старики, хотя оно несколько похоже на любопытство ребенка, который в то время, когда

говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротой».

Задание для группы 2

Прочитайте фрагменты произведений русской художественной литературы. Опираясь на прочитанные тексты, дайте развернутый ответ на вопрос о том, какова роль любви близких людей и добрых отношений с ними в жизни пожилого человека. Включите в свой ответ цитаты из этих произведений.

1. Повесть Валентина Григорьевича Распутина «Последний срок» (1970 год)

Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти, время для которой вроде приспело: старухе было под восемьдесят. Она долго пересиливала себя и держалась на ногах, но три года назад, оставшись совсем без силенок, сдалась и слегла. Летом ей будто легчало, и она выползала во двор, грелась на солнышке, а то и переходила с роздыхом через улицу к старухе Миронихе; но к осени, перед снегом, последняя мочь оставляла ее, и она по утрам не в состоянии была даже вынести за собой горшок, доставшийся ей от внучки Нинки. А после того, как старуха два или три раза подряд завалилась у крыльца, ей и вовсе приказали не подниматься, и вся ее жизнь осталась в том, чтобы сесть, посидеть, опустив на пол ноги, а потом опять лечь и лежать.

За свою жизнь старуха рожала много, но теперь в живых у нее осталось только пятеро. Получилось так оттого, что сначала к ним в семью, как хорек в курятник, повадилась ходить смерть, потом началась война. Но пятеро сохранились: три дочери и два сына. Одна дочь жила в районе, другая в городе, а третья и совсем далеко — в Киеве. Старший сын с севера, где он оставался после армии, тоже перебрался в город, а у младшего, у Михаила, который один из всех не уехал из деревни, старуха и доживала свой век, стараясь не досаждать его семье своей старостью.

В этот раз все шло к тому, что старухе не перезимовать. Уже с лета, как только оно пошло на убыль, старуха стала обмирать, и только уколы фельдшерицы, за которой бегала Нинка, доставали ее с того света. Приходя в себя, она тоненько, не своим голосом, стонала, из глаз ее выдавливались слезы, и она причитала:

— Сколь раз я вам говорила: не трогайте меня, дайте мне самой на покой уйти. Я бы тепери где-е была, если бы не ваша фельдшерица. — И учила

Нинку: — Ты не бегай боле за ей, не бегай. Скажет тебе мамка бежать, а ты спрячься в баню, подожди, а потом скажи: нету ее дома. Я тебе за это конфету дам — сладкую такую.

В начале сентября на старуху навалилась другая напасть: ее стал одолевать сон. Она уже не пила, не ела, а только спала. Тронут ее — откроет глаза, глянет мутно, ничего не видя перед собой, и опять заснет. А трогали ее часто — чтобы знать: жива, не жива. Высохла и ближе к концу вся пожелтела — покойник покойником, только что дыхание не вышло.

Когда окончательно стало ясно, что старуха не сегодня-завтра отойдет, Михаил пошел на почту и отбил брату и сестрам телеграммы — чтобы приезжали. После этого растолкал старуху, предупредил:

— Подожди, мать, скоро наши приедут. Повидаться надо.

2. Повесть Николая Васильевича Гоголя «Старосветские помещики» (1835 год)

Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленькие, низенькие, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей. В каждой комнате была огромная печь, занимавшая почти третью часть ее. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна очень любили теплоту. Топки их были все проведены в сени, всегда почти до самого потолка наполненные соломою, которую обыкновенно употребляют в Малороссии вместо дров. Треск этой горящей соломы и освещение делают сени чрезвычайно приятными в зимний вечер, когда пылкая молодежь, прозябнувши от преследования за какой-нибудь смуглянкой, вбегает в них, похлопывая в ладоши. Стены комнат убраны были несколькими картинами и картинками в старинных узеньких рамах. Я уверен, что сами хозяева давно позабыли их содержание, и если бы некоторые из них были унесены, то они бы, верно, этого не заметили. Два портрета было больших, писанных масляными красками. Один представлял какого-то архиерея, другой Петра III. Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, запачканная мухами. Вокруг окон и над дверями находилось множество небольших картинок, которые как-то привыкаешь почитать за пятна на стене и потому их вовсе не рассматриваешь. Пол почти во всех комнатах был глиняный, но так чисто вымазанный и содержавшийся с такою опрятностию, с какою, верно, не содержится ни один паркет в богатом доме, лениво подметаемый невыспавшимся господином в ливрее.

Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучочками. Множество узелков и мешков с семенами,

цветочными, огородными, арбузными, висело по стенам. Множество клубков с разноцветною шерстью, лоскутков старинных платьев, шитых за полстолетие, были уложены по углам в сундучках и между сундучками. Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потом употребится.

Но самое замечательное в доме — были поющие двери. Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего они пели: перержавевшие ли петли были тому виною или сам механик, делавший их, скрыл в них какой-нибудь секрет, — но замечательно то, что каждая дверь имела свой особенный голос: дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь в столовую хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно наконец слышалось: «батюшки, я зябну!» Я знаю, что многим очень не нравится этот звук; но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь услышать скрип дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свечкой в старинном подсвечнике, ужином, уже стоящим на столе, майскою темною ночью, глядящею из сада, сквозь растворенное окно, на стол, уставленный приборами, соловьем, обдающим сад, дом и дальнюю реку своими раскатами, страхом и шорохом ветвей... и Боже, какая длинная навеваается мне тогда вереница воспоминаний!»

Задание для группы 3.

Прочитайте фрагменты произведений русской художественной литературы. Опираясь на прочитанные тексты, дайте развернутый ответ на вопрос о том, какова роль любви близких людей и добрых отношений с ними в жизни пожилого человека. Включите в свой ответ цитаты из этих произведений.

1. Повесть Геннадия Николаевича Головина «Анна Петровна»

«У нее уже давно ничего не болело. Просто жизнь — словно бы уже выдыхалась из нее.

Она догадывалась, что это, видимо, последние ее дни, потому что все больше и больше усилий требовалось ей, чтобы жить.

Странно, но не было страха. Лишь все больше горячей нежности было в том, как она глядела на горестную людскую череду под окном во дворе. И впервые за многие годы ей хотелось поплакать: о них, о себе, о них.

Однажды она забылась, положив голову на подоконник, — так сладко, так благодарно, устало забылась! — и впервые без всякого протеста думала сквозь забытье о том, что она ведь уже уходит — потихоньку, но уже уходит,

— и как славно, что это происходит вот так, без мучений, словно это всего лишь дрема на пригретом солнцем подоконнике.

С того дня она часто позволяла себе подремать среди дня возле окошка, когда слабость особенно уж одолевала ее.

Минуты забытья становились раз от разу все дольше и мрачнее. Она это чувствовала. Слышала, как безвольно распускаются лицевые мышцы, едва она закрывает глаза, лицо становится незнакомым, чуждым, челюсть слабеет, и, словно бы со стороны, она с неприязнью видела тот пугающий, скорее звериный, нежели человеческий, оскал, в котором обнажаются ее мертвые пластмассовые зубы.

Но не было сил привести в порядок лицо.

Однажды Марина, ворвавшись в комнату Анны Петровны, увидела ее именно такой.

От неожиданности перепугалась, однако, заметив, что бабка еще дышит, с кряхтением, волоком стала перетаскивать на кровать.

Анна Петровна, конечно, пробудилась. Но у нее действительно не было сил — даже для того, чтобы самой лечь в постель.

Безропотно позволила себя уложить, накрыть одеялом.

При этом безотрывно и внимательно-тихо смотрела на Марину: такой она внучку не знала.

И почему-то Марину тоже — ужасно было жаль. Не красива, не добра, не умна, а казаться ведь хочется и красивой, и доброй, и умной...

Анна Петровна вздохнула горестно и вдруг — очень неожиданно для себя, с неожиданной легкостью расставаясь с пустяковой своей тайной, — почти без выражения выговорила:

— Нет у меня ничего, милая Марина. Ты уж не обижайся на меня — нет ничего.

Марину — будто внезапно уличили. Задвигалась суетливо. Что-то принялась передвигать на столе. Жалко отворачивала лицо.

— ...вы, я знаю, кажется, надеялись. Но — вы уж не обижайтесь, если можете, — ничего нет.

— На что надеялись?! — грубо и фальшиво заорала Марина. — Зачем нам на что-то надеяться?! Ты что, бабуля, совсем?!

Анна Петровна, однако, почти не слушала.

Преисполнившись вдруг неизъяснимого удовольствия от этой сцены, ощущая с досадливой иронией всю ходульность происходящего (и одновременно же радуясь этому: «Стало быть, еще не всерьез... Это, стало

быть, еще не скоро, коли мне так смешно...»), Анна Петровна вот что проделала: протянула Марине руку, чрезвычайно театрально сломив ее в запястье, и произнесла, с немалым удивлением слушая, как жеманно и актерски истомленно звучит ее голос:

— Возьми хоть это, внучка... Пусть хоть это останется тебе на память.

(Что за бес балаганный вселился вдруг в Анну Петровну? Что за озорная нужда ей приспела лицедействовать на самом смертном своем пороге?)

Марина непонимающе взирала на бабуку.

Даже некое подобие тревоги написалось на ее лице.

А когда поняла, о чем говорит Анна Петровна — о перстне с деревенской стекляшкой, — очень облегченно брякнула, ни пренебрежения не скрывая, ни обиды:

— А! Да на кой он мне? Сама уж форси.

— Возьми, — настойчиво попросила Анна Петровна.

И Марина — взяла. То ли не желая перечить умирающей, то ли (скорее всего) оттого, что не в ее силах было отказываться, когда что-то дают, — проворно вдруг наклонилась, как бросилась, к протянутой руке и стала сдергивать.

— Больно же так... — раздосадованно поморщилась Анна Петровна, переложила голову на подушке и вдруг — опять заснула.

Заснула — камнем в черную густую воду — и жаль, что не видела, как внучка ее, сидя у стола, сначала просто так задумчиво сидела, потом — разобиженно завсхлипывала, а затем — грубо, хоть и потихоньку, заревела, совсем по-детски отклячив губу.

И все рисовала, рисовала по скатерти забытым в руке перстнем какие-то сплошные квадратики, а другой ладонью время от времени словно бы опрятно сметала в сторонку...

И казалось, что вовсе не о пустых своих надеждах на бабкино богатство плачется ей, а о чем-то совсем другом, постороннем — о своей жизни быть может.

2. Повесть Николая Васильевича Гоголя «Старосветские помещики» (1835 год)

Оба старичка, по старинному обычаю старосветских помещиков, очень любили покушать. Как только занималась заря (они всегда вставали рано) и как только двери заводили свой разноголосный концерт, они уже сидели за столиком и пили кофе. Напившись кофею, Афанасий Иванович выходил в сени и, стряхнув платком, говорил: «Киш, киш! пошли, гуси, с крыльца!» На дворе ему обыкновенно попадался приказчик. Он, по обыкновению,

вступал с ним в разговор, расспрашивал о работах с величайшей подробностью и такие сообщал ему замечания и приказания, которые удивили бы всякого необыкновенным познанием хозяйства, и какой-нибудь новичок не осмелился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркого хозяина. Но приказчик его был обстрелянная птица: он знал, как нужно отвечать, а еще более, как нужно хозяйничать.

После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне:

— А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь?

— Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых?

— Пожалуй, хоть и рыжиков, или пирожков, — отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг являлась скатерть с пирожками и рыжиками.

За час до обеда Афанасий Иванович закушивал снова, выпивал старинную серебряную чарку водки, заедал грибками, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и соусников, на столе стояло множество горшочков с замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное изделие старинной вкусной кухни. За обедом обыкновенно шел разговор о предметах, самых близких к обеду.

— Мне кажется, как будто эта каша, — говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, — немного пригорела; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?

— Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться пригорелою, или вот возьмите этого соуса с грибками и подлейте к ней.

— Пожалуй, — говорил Афанасий Иванович, подставляя свою тарелку, — попробуем, как оно будет.

После обеда Афанасий Иванович шел отдохнуть один часик, после чего Пульхерия Ивановна приносила разрезанный арбуз и говорила:

— Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз.

— Да вы не верьте, Пульхерия Ивановна, что он красный в середине, — говорил Афанасий Иванович, принимая порядочный ломоть, — бывает, что и красный, да нехороший.

Но арбуз немедленно исчезал. После этого Афанасий Иванович съедал еще несколько груш и отправлялся погулять по саду вместе с Пульхерией Ивановной. Пришедши домой, Пульхерия Ивановна отправлялась по своим делам, а он садился под навесом, обращенным к двору, и глядел, как кладовая беспрестанно показывала и закрывала свою внутренность и девки, толкая одна

другую, то вносили, то выносили кучу всякого дрязгу в деревянных ящиках, решетках, ночевках и в прочих фруктохранилищах. Немного погодя он посылал за Пульхерией Ивановной или сам отправлялся к ней и говорил:

— Чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?

— Чего же бы такого? — говорила Пульхерия Ивановна, — разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?

— И то добре, — отвечал Афанасий Иванович».

Задание для группы 4.

Прочитайте фрагменты произведений русской художественной литературы. Опираясь на прочитанные тексты, дайте развернутый ответ на вопрос о том, какова роль любви близких людей и добрых отношений с ними в жизни пожилого человека. Включите в свой ответ цитаты из этих произведений.

1. Рассказ Антона Павловича Чехова «Тоска» (1886 год)

«— Извозчик, ты женат? — спрашивает длинный.

— Я-то? Гы-ы... ве-еселые господа! Таперя у меня одна жена — сырая земля... Хи-хо-хо... Могила, то есть!.. Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Заместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...

И Иона оборачивается, чтобы рассказать, как умер его сын, но тут горбач легко вздыхает и заявляет, что, слава богу, они, наконец, приехали. Получив двугривенный, Иона долго глядит вслед гулякам, исчезающим в темном подъезде. Опять он одинок, и опять наступает для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распирает грудь еще с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но, тем не менее, ее не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу, что ее не увидишь днем с огнем...

Иона видит дворника с кульком и решает заговорить с ним.

— Милый, который теперь час будет? — спрашивает он.

— Десятый... Чего же стал здесь? Проезжай!

Иона отъезжает на несколько шагов, изгибается и отдается тоске... Обращаться к людям он считает уже бесполезным. Но не проходит и пяти минут, как он выпрямляется, встряхивает головой, словно почувствовал острую боль, и дергает вожжи... Ему невмоготу.

«Ко двору, — думает он. — Ко двору!»

И лошаденка, точно поняв его мысль, начинает бежать рысцой. Спустя часа полтора, Иона сидит уже около большой грязной печи. На печи, на полу, на скамьях храпит народ. В воздухе «спираль» и духота... Иона глядит на спящих, почесывается и жалеет, что так рано вернулся домой...

«И на овес не выездил, — думает он. — Оттого-то вот и тоска. Человек, который знающий свое дело... который и сам сыт, и лошадь сыта, завсегда покоен...»

В одном из углов поднимается молодой извозчик, сонно крикает и тянется к ведру с водой.

— Пить захотел? — спрашивает Иона.

— Стало быть, пить!

— Так... На здоровье... А у меня, брат, сын помер... Слыхал? На этой неделе в больнице... История!

Иона смотрит, какой эффект произвели его слова, но не видит ничего. Молодой укрылся с головой и уже спит. Старик вздыхает и чешется... Как молодому хотелось пить, так ему хочется говорить. Скоро будет неделя, как умер сын, а он еще путем не говорил ни с кем... Нужно поговорить с толком, с расстановкой... Надо рассказать, как заболел сын, как он мучился, что говорил перед смертью, как умер... Нужно описать похороны и поездку в больницу за одеждой покойника. В деревне осталась дочка Анисья... И про нее нужно поговорить... Да мало ли о чем он может теперь поговорить? Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать... А с бабами говорить еще лучше. Те хоть и дуры, но режут от двух слов.

«Пойти лошадь поглядеть, — думает Иона. — Спать всегда успеешь... Небось, выспишься...»

Он одевается и идет в конюшню, где стоит его лошадь. Думает он об овсе, сене, о погоде... Про сына, когда один, думать он не может... Поговорить с кем-нибудь о нем можно, но самому думать и рисовать себе его образ невыносимо жутко...

— Жуешь? — спрашивает Иона свою лошадь, видя ее блестящие глаза. — Ну, жуй, жуй... Коли на овес не выехали, сено есть будем... Да... Стар уж стал я ездить... Сыну бы ездить, а не мне... То настоящий извозчик был... Жить бы только...

Иона молчит некоторое время и продолжает:

— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому

жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко?

Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина...

Иона увлекается и рассказывает ей всё...

2. Повесть Николая Васильевича Гоголя «Старосветские помещики» (1835 год)

— Вот это грибки с чебрецом! это с гвоздиками и волошскими орехами! Солить их выучила меня туркенья, в то время, когда еще турки были у нас в плену. Такая была добрая туркенья, и незаметно совсем, чтобы турецкую веру исповедовала. Так совсем и ходит, почти как у нас; только свинины не ела: говорит, что у них как-то там в законе запрещено. Вот эти грибки с смородинным листом и мушкатным орехом! А вот это большие травянки: я их еще в первый раз отваривала в уксусе; не знаю, каковы-то они; я узнала секрет от отца Ивана. В маленькой кадучке прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потом посыпать перцем и селитрою и положить еще что бывает на нечуй-витере цвет, так этот цвет взять и хвостиками разостлать вверх. А вот это пирожки! это пирожки с сыром! это с урдою! а вот это те, которые Афанасий Иванович очень любит, с капустою и гречневою кашею.

— Да, — прибавлял Афанасий Иванович, — я их очень люблю; они мягкие и немножко кисленькие.

Вообще Пульхерия Ивановна была чрезвычайно в духе, когда бывали у них гости. Добрая старушка! Она вся принадлежала гостям. Я любил бывать у них, и хотя объедался страшным образом, как и все гостившие у них, хотя мне это было очень вредно, однако ж я всегда бывал рад к ним ехать. Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, помогающего пищеварению, потому что если бы здесь вздумал кто-нибудь таким образом накушаться, то, без сомнения, вместо постели очутился бы лежащим на столе».

3. Рекомендации по организации обсуждения итогов групповой работы. Учитель организует общее обсуждение итогов групповой работы. Представители от каждой группы отвечают на один из вопросов, который они обсуждали во время групповой работы и который показался им наиболее значимым и интересным. После завершения интерактивного задания учитель может организовать беседу об этих известных деятелях культуры и о важности доброго отношения к людям преклонного возраста.

4. Рекомендации по выполнению творческого задания. Творческое задание – это творческая мастерская «Как мы можем помочь пожилым людям?». Оно имеет практическую направленность и предполагает создание социальной рекламы, которая сможет привлечь внимание общества к проблемам пожилых людей.

5. Рефлексия.

В конце занятия рекомендуется закрепление выводов, полученных при обсуждении, с помощью «незаконченных предложений»: «Из услышанного сегодня больше всего мне понравилось / запомнилось / откликнулось в сердце...»; «После занятия я обязательно сделаю...»; «Меня побуждает к размышлениям то, что...»

Результаты занятия: понимание учащимися того, что преемственность поколений является гарантией развития современного государства, залогом сохранения исторической памяти и духовно-нравственных ценностей, поддержки младшим поколением старшего, а старшим поколением младшего.

При наличии возможности рекомендуется предусмотреть ведение обучающимися «дневника внеурочных занятий «Разговоры о важном».

В таком «дневнике» могут отмечаться:

- тема занятия;
- ценности, обсуждаемые в ходе занятия;
- основные выводы обучающегося, сделанные по итогам занятия,
- ссылки на полезные медиаресурсы и образовательные проекты по тематике занятия;
- творческие задания и темы для обсуждения с родственниками и друзьями;
- любая другая информация по теме занятия.

Структура такого «дневника» и организация его ведения определяются образовательной организацией самостоятельно.